

МОЛОДЫЕ ПАТРИАРХИ

К выходу книг "Шекспир. Англия. XX век" Алексея Бартошевича и "Испанский театр XVI—XVII веков" Видаса Силюнаса.

Одна за другой в начале 1995 года вышли две книги, которые продемонстрировали высочайший класс мастерства российского театроведения, исследующего зарубежное сценическое искусство. Алексей Бартошевич ("Шекспир. Англия. XX век". Издательство "Искусство") и Видас Силюнас ("Испанский театр XVI—XVII веков". Издательство "Культура") отдали дань своим учителям — А.А. Аниксту, Н.Б. Томашевскому и, конечно, их общему наставнику Г. Н. Бояджиёву, не только выучившему, но и воспитавшему, сохранив и мудро развив в этих работах все лучшее, что было свойственно советским ученым-зарубежникам, и одновременно шагнув в сторону неведомого их замечательным предшественникам. Именно поэтому позволил себе позаимствовать у Томаса Манна (вслед за В.Силюнасом) название статьи: мои герои, как и положено людям выдающимся, свидетельствующим слом эпох и мировоззрений, итожат прошлое и совершают прорыв в будущее, что, безусловно, важно и для них самих, и для их учеников, у которых нет других учителей.

Помню, А.А. Аникст, подшучивая над моим интересом к второразрядным английским драматургам XVIII века, говорил: "Хочешь стать крупным, значительным ученым — изучай гениев!". Бартошевич и Силюнас в отличие от меня никогда не разменивались, круг их чтения действительно составляли гении, "первые сюжеты" мировой культуры: Шекспир, Лопе де Вега, Федерико Гарсиа Лорка... Но, уверен, лидерами отечественного театроведения они стали не только потому, что всю свою сознательную жизнь общались с великими писателями, режиссерами и актерами. Свой талант они освятили истовой любовью к театру, а свое трудолюбие возвысили миссией учительства.

От своих педагогов они унаследовали глубокий историзм в восприятии прошлого, в котором марксистская традиция обогащалась, видоизменялась, корректировалась и неоромантический, и неопозитивистский, и неофрейдистский, и прочими, характерными для XX века толкованиями развития человечества и развития искусства. Замечу, что до недавнего времени, до начала перестройки, историки западной культуры — если они были изоцированы профессионально — позволяли себе, прикрываясь обязательными цитатами из классиков официальной советской идеологии, быть сво-

бодными методологически. Марксистско-ленинская схематика могла составлять некий внешний каркас, но не существовало исследования. Достаточно взять в руки сегодня труды Аникста, Пинского, Жирмунского, Берковского, Томашевского или Бояджиёва, чтобы убедиться в этом.

От своих учителей — и прежде всего от Бояджиёва — Бартошевич и Силюнас сохранили восприятие, переживание театра (и жизни!), как праздника, дара Господня. Это уникальное качество природы Бояджиёва и Аникста (тех, кого лучше знал лично) всегда поражало. Кажется, тяготы бытия, а не только существования, не властны над ними. Быть может, именно поэтому они культивировали ренессансное мировоззрение в своих учениках, воспевая мощь возрожденческого человека, возрожденческого бытия как норму, точнее, как идеал, который должен стать нормой. Первооткрыватели зарубежного авангарда для российской, советской публики и профессионалов, Бояджиёв и Аникст никогда не воспринимали подмошки лишь как пространство для философствования или место, где торжествует дисгармония. Они верили философствующим художникам лишь в том случае, если те знали шутки, свойственные театру: Они верили в силу эксперимента, если он в недрах своих хранил свет ренессансных идей. Потому что они жили в такой социальной системе, где защита человека и человеческого, гуманизма — без всяких эпитетов вроде "революционный" или "подлинный" — была актом самосохранения. У них были не эстетические только, но этические несогласия с советской властью, — и отношение к человеку и его судьбе было критерием истины в этом споре.

У Бартошевича и Силюнаса, учеников Бояджиёва и Аникста, сохранилась великая вера в человека и гуманистические ценности, которая не размывается на манки новейших времен. Вера, которую они не утратили в пору переоценки ценностей и духовных катастроф последнего десятилетия. Вера, которую не поколебала трагедия человеческого бытия, разворачивающаяся в тысячелетиях.

Исследователи конца XX века, Бартошевич и Силюнас отчетливо понимают и выражают в своих новых книгах внутреннюю преемственность художественных эпох. От учителей они восприняли историю культуры в оппозициях: средних веков — Ренессансу, классицизму — ро-

мантизму, натурализму — критическому реализму и т.д., и т.п. Но на рубеже второго и третьего тысячелетий им кажется более необходимым обнаружить связующие нити культуры, указать не на разрывы, а на перетекания одной эпохи в другую. Так, по-новому, пишет В.Силюнас о соотношении средневекового и ренессансного театра Испании, так А.Бартошевич раскрывает внутреннее, "островное родство" шекспировских постановок в Великобритании XIX и XX столетий. Внимательный читатель без труда различает в этих книгах не только эстетический смысл: авторыми движет желание написать определенные периоды развития театра в "большие линии" движения истории и культуры. Наверное, в этой потребности — вызов современной эпохе, желание преодолеть ее диссонансы, дисгармонию, хаос. Впрочем, это вполне естественно для людей с острым эстетическим чувством, — искусствоведам причитается иметь эстетические разногласия не только с властью, но и с безвластием.

Познав театроведение как науку о драматургии, Бартошевич и Силюнас свои последние книги написали о театре, о феномене спектакля, чья жизнь в истории — мимолетна. Задавшись фаустовскими целями, посвятив проблемам реконструкции старинных спектаклей больше десяти лет совместной педагогической и исследовательской деятельности, они доказали, что способны остановить любое мгновение сценической жизни — в Испании XVII века или в Англии века XX. Но как подлинные мудрецы и легкомысленные люди театра одновременно, А.Бартошевич и В.Силюнас знают, что любая остановка равна смерти, небытию. А небытие изначально враждебно Мельпомене и Талии, блеску сценической игры, шуткам, свойственным театру. Для двух ученых мужей, которые воспитали уже не одно поколение театроведов, режиссеров, актеров, сценографов, театр — это лучшая часть жизни, праздничное инобытие, где всегда возвышенно посрамлен регламент обыденности.

Они любят живой театр и никогда не превращают торжество театроведения в корриду, где роль быка отведена живому спектаклю. Именно поэтому две их последние работы — чтение не только полезное, но и увлекательное. Следуя Вольтеру, они любят любое театроведение, кроме скучного.